

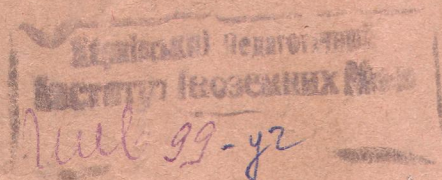
РК-ХГУ-В

99uz

ПР.-ДОЦ. П. Г. РИТТЕРЪ.

Переучет
1954

САНСКРИТЪ.

Издание слушательницъ
Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

Типо-Литографія
С. Иванченко.

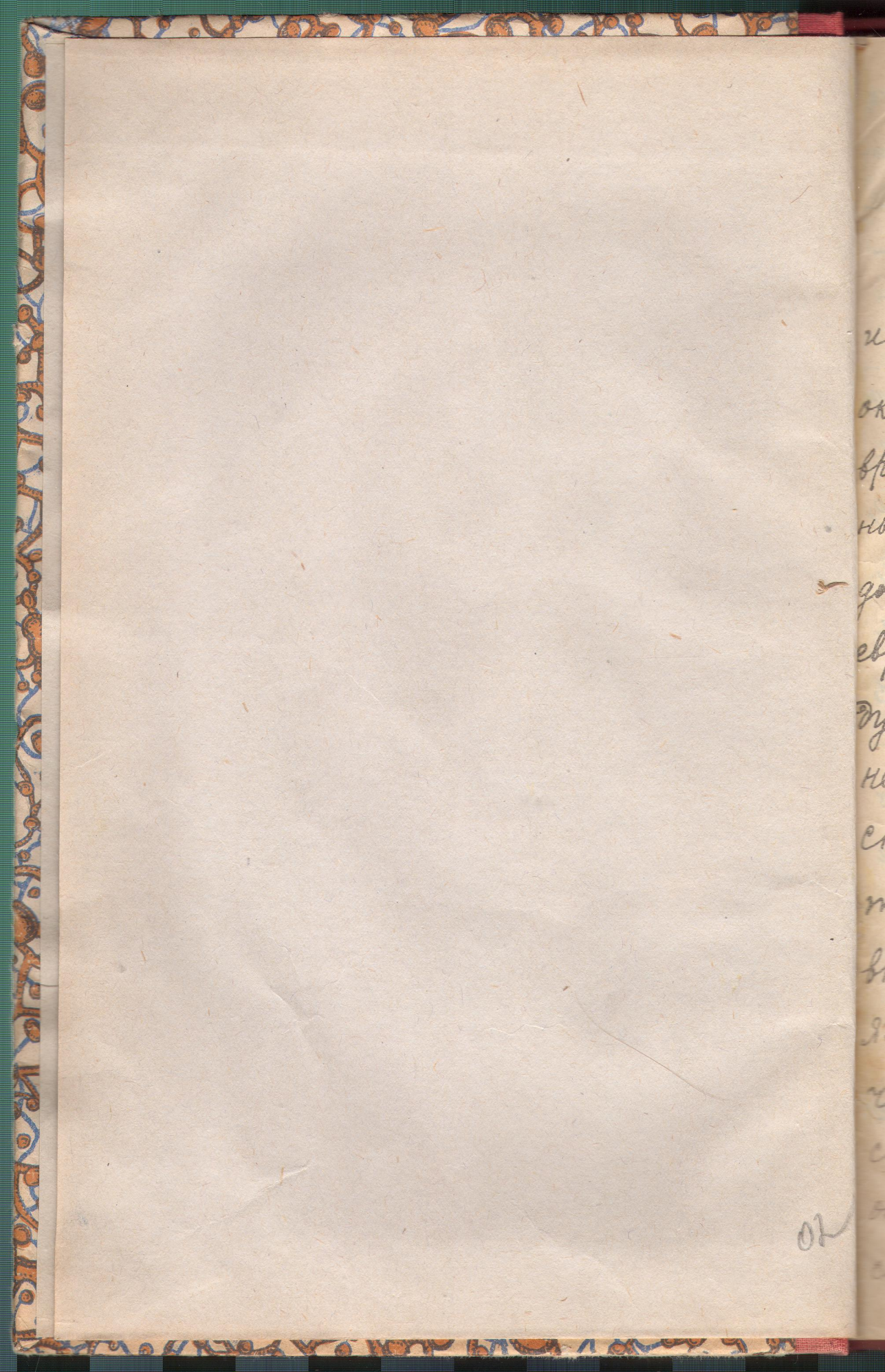

Харьковъ,
Костюринскій пер. 2.

1911 г.

Резане с сур. из резане 1955 одел

Перепись с сурр. из реформы 1955 года

Ум
Что такое санскритъ?

99-я (Вместо введения)

Знакомство европейцевъ съ языкомъ и литературой древней Индии началось около столъ лтъ тому назадъ: почти одновременно, съ одной стороны, въ Европѣ гениальный Францъ Боппъ (1791-1867) впервые доказалъ научно существованіе индо-европейской семьи языковъ, отвелъ въ ряду отдѣльных членовъ ея важное, есм не первенствующее мѣсто древне-индійскому языку — санскриту и вместе съ тѣмъ положилъ начало новой наукѣ — сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ; съ другой стороны, въ Индіи англичане занялись на системъ изданіемъ санскритскихъ текстовъ, ихъ переводомъ, объясненіемъ, составленіемъ грамматикъ и словарей, и, благодаря трудамъ такихъ

дей, какъ Уильямъ Джексъ, Уилькинсъ, Кольбрукъ, открыли перспективу на многовѣковую, богатую, своеобразно заманчивую культуру, сумевшую европейцами много важныхъ и интересныхъ открытій. Европейцы живо заинтересовались Индїей одновременно съ двухъ сторонъ, лингвистической и литературно-культурной, и усердно взялись за работу. Трудно даже представить себѣ, какъ много было съдѣлано, притомъ въ различныхъ отрасляхъ знаній, за эти первые 20-30 лѣтъ, особенно если принять во вниманіе скудные матеріалы, имѣвшіеся тогда подъ руками: вѣдь, приходилось имѣть дѣло съ массой неизданныхъ текстовъ безъ словарей, такъ какъ изданіе Росс. Акад. Наукъ большого, такъ называемаго „Петербургскаго словаря“ (на кнѣн. яз.) подъ редакціей Боткина и Пота началось лишь съ 1855 года. Почти все изучавшіе Индїю и санскритъ занимались или разносторонне: вѣдомыми братьями Агнелъ и Вильгельма Шлегель, Бенфед, Эжена Гюрнуфа, Массена. Они были и лингвистами, и филологами;

а если вспомнить тот антагонизм, который довольно долго держался и даже теперь изредка дает слабые отголоски в Германии, антагонизм между филологами-классиками и лингвистами, сравнительными языковедами, то не трудно понять, что филологи-санкритисты оказывались подчас чуть не врагами филологов-классиков, а потому все такое примыкание к лингвистам, подчиняясь приемам сравнительного языкознания, быстро подвигавшаяся вперед. От изумительного усердия, которыми склонно было грешить сравнительное языкознание — отождествлять совершенно чуждые друг другу явления и относить их фантастический первообраз в доисторическую эпоху, когда „индо-европейский прародок“ жила в „индо-европейской прародине“, от этого ошибочного приема пострадала, быть может, больше всего сравнительная мифология, выросшая вольно, как бы по аналогии, за сравнительными языкознаниями: ведь, не так давно еще древне-индийскую мифологию Риг-Веды превращали в индо-европейскую, как это продолжал делать до самой своей смерти покойный Макс Мюллер. Истек с тем же туземным традициям, ничто

многочисленных, почтенных трудов индийских ученых — пандитов, оставшихся в полном презрении; богатейшая литература индийских комментаторов совершенно игнорировалась. Особенно сильно сказалось это направление в переводе Риг-Веды Фраасманна и в статье Рота в большом „Петербургском словаре“. Тем же временем, однако, прежний тип ученого специалиста, совмещавшего в себе санскритиста и сравнительного языковедца, вытесним из себя санскритиста-филолога, с одной, — лингвиста, сравнительного языковедца, с другой стороны, что и выражается теперь в Германии необходимостью поручать двум специалистам кафедру, имевшую прежде лишь одного представителя. Наблюдается неизбежный прирост и развитие процессов вытеснения и специализации. С одной стороны лингвисты: Фруманн, Иоганнес Шмидт, Густав Мейер, Кречмер, Вакхернагель, с другой, санскритисты-филологи: Бюмер, Кильгорн, Тишель, Гельднер, Ольденберг. Такая группировка и специализация обуславливаются отношением европейцев к туземным индийским традициям, тему способствовали, пожалуй, больше всего покойный профессор Отенло

университета Теорх Бюлеръ, трагически и загадочно погибший въ 1898г. въ полномъ расцветѣ силъ. Еще молодымъ человекомъ 25 лѣтъ, однако уже съ солидной эрудиціей и подготовкой, онъ отправился въ Индію, гдѣ провелъ 17 лѣтъ: сначала онъ былъ профессоромъ въ Альфинстонъ-Колледжѣ въ Бомбей, а затѣмъ втеченіе 10 лѣтъ занималъ должность инспектора туземныхъ школъ. Онъ сроднился съ этою страной, полюбилъ ее, сумѣлъ изжить въ современной Индіи древнюю, говоривъ съ туземными простонародьями на діалектахъ, а съ пандитами на санскритѣ, при сложившихъ своихъ обязанностяхъ успѣвалъ все же очень много работать для науки и ожить туземную ученую традицію, основанную на тысячелѣтней преемственности. Онъ самъ говорилъ въ письмѣ къ другу, что „однимъ годомъ пребыванія между туземцами (когда онъ заведывалъ народными школами) прожилъ ему больше свѣта на индійскую литературу и кувѣтуру, чѣмъ шесть лѣтъ въ Бомбей.“ Вернувшись въ Европу, онъ до самой смерти втеченіе 17 лѣтъ былъ профессоромъ санскрита въ Рѣйнѣ, оставаясь вѣрнымъ своему идеалу общенія европейской

науки съ индѣйской ученостю. Начавшаяся подъ
 его редакціей, при сотрудничествѣ многихъ нѣ-
 мецкихъ, англійскихъ и индѣйскихъ ученыхъ „Эн-
 циклопедія индо-арійской филологіи“ (*Grundriss
 der indo-arischen Philologie und Altertumskun-
 de. Strassburg. Trübner*) завершается стольтѣмъ
 издѣніемъ Индіи. Вышло около трети этого тру-
 да; за смертію Бюлера редакторство перешло
 къ профессору Гёттингенскаго университета
 Кимборну, проводившему также много лѣтъ въ
 Индіи, а послѣ его смерти къ профессору Лю-
 дерсу и Ваккернагелю. Живя въ Вѣнѣ, Бюлеръ
 хотѣлъ активно дѣйствовать въ пользу Индіи,
 смотрѣлъ на европейскіе санскритисты, какъ
 на миссіонеровъ науки. Для дорогой ему страны,
 желая, чтобы они поддерживали связь съ
 туземными традиціями и старались из-
 влечь изъ современности все, что она даетъ для
 древности. Ему мерещился, быть можетъ, идеалъ
 культурнаго сближенія и взаимодѣйствія между
 европейскою и индѣйскою культурой (ср. его біо-
 графію въ *Grundriss der indo-arischen Philolo-
 gie. Georg Böhler von Julius Jolly. 1899*) Суди-
 сь ли эти надежды или нѣтъ, судить объ этомъ
 преждевременно, но единственный путь къ ихъ
 осуществленію — изученіе древне-индѣйской м-

терапии, органами которой является санскрит,
о которых я и собираюсь говорить подробнее.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ, даже среди хо-
рошо образованныхъ людей, равно какъ и въ ин-
которыхъ популярно-научныхъ сочиненіяхъ,
Компильціяхъ изъ вторыхъ и третьихъ
рукъ, на этотъ счетъ встрѣчаются довольно сбивши-
вый и невѣрный понятія, а въ чисто научныхъ ра-
ботахъ терминъ „санскритъ“ не всегда опредѣ-
ляется и выдвигается съ достаточной точностью.
Не знаю, чѣмъ объяснить, напр., значительное упо-
режившееся, особенно въ русской публикѣ, ходя-
чее заблужденіе, отождествляющее санскритъ
съ индо-европейскими праязыками, откуда
извлекается ложный выводъ, будто санскритъ
и есть отецъ всѣхъ прочихъ индо-европей-
скихъ языковъ (или, по неправильной термино-
логіи, «арійскихъ»). Съ другой стороны, иногда
употребляется такой невѣрный терминъ,
какъ «ведическій» санскритъ, т. е. языкъ
Ведъ. Поэтому я и пишу въ виду посто-
янно установить и выдвинуть точное значеніе этого
термина.

Если мы попытаемся возстановить все-
дневный процессъ развитія языковъ и нарѣчій

индо-европейскаго населенія Индіи, обнимающей
около трех тысячелѣтій, отъ древнѣйшей поры,
когда индійскіе аріицы обособились отъ своихъ
ближайшихъ родичей иранцевъ, вплоть до нашихъ
дней, то придется ея разграничить по времени
и фазисамъ развитія на три стадіи: древне-
индійскіе діалекты, куда относятся и санскритъ,
средне-индійскіе или пракриты, наконецъ, ново-
индійскіе нарѣчія, современныя bhāṣā (Хинди,
Гуджарати, Маратхи, Бенгали и Гиндустани).
Чтобы нагляднѣе отнѣсѣть отношенія между
этими тремя стадіями развитія, можно вос-
пользоваться аналогіей съ латинскими и ро-
манскими языками; древне-индійскій можно
сравнить отчасти съ латынью, начиная отъ
старой латыни Плавта и кончая латынью
итальянскихъ гуманистовъ и даже совре-
менными диссертациями на латинскомъ яз.
Средне-индійскіе пракриты можно сравнить тогда
съ итальянскими, начиная отъ Данта,
Боккаччо, тосканскаго литературнаго язы-
ка и кончая современными мѣстными діалекта-
ми. Для ново-индійскихъ нарѣчій надо взять
еще разъ ту же пропорцію. Послѣднихъ я даже
касаться не буду, а въ духъ словъ укажу на
общее и разбѣры древне и средне-индійской

литература. Древне-индiйская или, как ее на-
 звали не безъ основанiй Макс Мюллеръ, сан-
скритская литература. заключаетъ въ себѣ
 колоссальную по числу и объему массу памятни-
 ковъ, обнимающуюхъ болѣе чѣмъ 2000-лѣтний
 промежутокъ времени. Сюда входятъ Веды, дре-
 внѣйшiя священные книги индусовъ (Риг-В.,
 Сама-В., Яджуръ-В. и Атхарва-В.), и тѣсно
 примыкающiе къ нимъ обширные теологиче-
 скiе трактаты. Брахманы, философскiе Упа-
нишады и Араньяки, ритуальные урядники
Сутры, одними словами, индiйская Библия, Св.
 Писанiе (смити), законченное до паденiя буддизма
 т. е. ранѣе VI^{го} вѣка до Р. Хр. Кроме того, имѣ-
 ется эпическiй героическiй эпосъ (болѣе
 200, 000 стиховъ) Махабхарата и менѣе
 обширный Рамаяна, громадное количе-
 ство философскихъ и ученыхъ, грамматическихъ,
 риторическихъ, юридическихъ текстовъ, затѣмъ
 обширная издѣльная литература: сказки, поэмы,
 драмы, романы, новеллы (напр., сборникъ
 „Катхасаритсагара“ Сомадевы, относящ.
 къ XII в. по Р. Хр., прозванный „индiйскимъ
 Декамерономъ“), наконецъ, колоссальная ли-
 тература глоссаторовъ и комментаторовъ,
 составленная погн ко всѣмъ перечисленнымъ

10.
Выше родились памиятриковъ, текущаясь вплоть
до нашего вѣка. Литература на средне-индійскихъ
діалектахъ появляется лишь послѣ Будды.
Древнѣйшія индійскія надписи царя Ашоки (III в.
до Р. Хр.) и южно-буддійскій канонъ написаны
на діалектѣ Пали, древнѣйшемъ изъ извѣстныхъ
намъ пракритовъ. Одинъ изъ пракритовъ,
Махарашистри, сдѣланный свидѣтельными языками
секты Джайновъ, конкурировавшей съ буддиз-
момъ. Несомнѣнно также существованіе про-
стонародной сказочно-новеллистической ли-
тературы на пракритахъ, однимъ изъ зна-
менитѣйшихъ памиятриковъ которой была
Затвердкая для насъ „Грихатката“ Гу-
надхви, тиланка на пракритѣ Пайшачи, т. е.
на „діалектѣ демоновъ“, подвергавшаяся
впоследствии литературной обработкѣ на санскри-
тѣ, легшая также въ основу упомянутой выше
сборника новеллъ Сомадевы. Наконецъ, пракриты
играютъ также видную роль въ классической
индійской драмѣ, расцвѣтъ которой относится
къ VI—VIII в. до Р. Хр.: въ женские и мужские
низшихъ кастъ говорятъ здѣсь на различныхъ
практикахъ, а мужские высшихъ кастъ на
санскритѣ, что, очевидно, предполагаетъ въ публи-
кѣ свободное пониманіе и знакомство

и съ тѣмъ, и съ другими языками.

Изученіе и комментированіе языка древне-
индійскихъ священныхъ текстовъ началось давно.
Къ эпохѣ, предшествовавшей буддизму, относятся
такой грамматическій трудъ, какъ „Миликтам“
Яки, предполагающій уже многихъ предше-
ственниковъ. Но изъ всѣхъ грамматическихъ тру-
довъ стяжали себѣ авторитетъ неограни-
ченности лишь „8 книгъ грамматики“ некоего Панини.
По сжатости, точности и полнотѣ эр иписитъ
во всей грамматической литературѣ; онъ за-
ключаетъ въ себѣ около 4000 краткихъ правилъ,
напоминающихъ отчасти алгебраическія фор-
мулы и, если ихъ напечатать въ подрѣдъ,
получится около 150 страницъ небольшого формата.
(Отъ этого памятника ошибочно изданъ Боплингомъ:
Panini's Grammatik, herausgegeben, über-
setzt, erläutert und mit verschiedenen
indices versehen von Otto Böhtlingk. Lei-
pzig. 1887). Сами авторъ, Панини, жившій въ
IV—III вв. до Р. Хр., какъ позволяютъ думать
данныя, упомянутыя въ другихъ памятникахъ,
а въ особенности свѣдѣнія, сообщаемыя ки-
тайскими путешественниками Хуэн-
Тхангомъ, ревностнымъ буддистомъ, обитавшимъ

Индию во началѣ VIII в. по Р. Хр. и оставившимъ
 очень интересное и цѣнное описаніе своего путе-
 шествія. Трудъ Панини обусловленъ существовані-
 емъ предшествовавшихъ грамматическихъ школъ
 съ хорошо выработанными традиціями: онъ
 самъ называетъ по именамъ дѣятельныхъ
 грамматистовъ, указываетъ на сверхнюю и восточ-
 ную грамматическія школы. Самъ онъ былъ
 родомъ изъ северо-западной Индии. Его трудъ
 сталъ канономъ для индійскихъ грамматис-
 товъ и ученыхъ, которые обыкновенно зна-
 ютъ его грамматику наизусть. Огромную по-
 мощь оказала она также и европейскимъ
 ученымъ въ дѣлѣ составленія санскритскихъ
 грамматикъ по европейскому типу; нѣкоторыя
 отдѣлы, напр., стрѣбъ сложное и важное въ древне-
 индійскомъ языкѣ, ученіе о сложныхъ именахъ
 невозможно хорошо понять и приложить, не при-
 ложивъ къ нимъ приѣмовъ индійскихъ грамма-
 тикъ. Вскорѣ появились дополненія и поправки
 къ труду Панини: къ III-II в. до Р. Хр. от-
 носятся т. наз. Varttika, т. е. примѣчанія къ 1245
 правиламъ грамматики Панини, составленные нѣкимъ
 Катьяейной, родомъ изъ Декана. Къ позднѣйшему труду

написанъ во II в. до Р.Хр. т. наз. „большой Кошменъ-
 (Махадхашьямъ - Махāvhaśyaṃ) некоего Платона,
 богатѣйшій и интереснѣйшій памѣтникъ,
 заключающій въ себѣ, кромѣ грамматическихъ, мас-
 шорико-литературныхъ данныхъ. „Махадха-
 шьямъ“ написанъ въ формѣ діалога между учите-
 лемъ и ученикомъ; въ довольно пространномъ вве-
 деніи объясняется, что такое слово, какими образами
 для чего слѣдуетъ изучать грамматику. Моги-
 въ къ тому приводится много: ради точнаго
 храненія священныхъ текстовъ, ради вѣрной
 цитации формулъ въ ритуалѣ, ибо въ против-
 оныхъ случаяхъ можно на самого себя навлечь зѣ-
 лу, въ доказательство чего приводятся инцидентъ
 изъ жизни Пваштаромъ, который при соверше-
 нии жертвоприношенія поставилъ на сложенномъ
 существительномъ невірное удареніе, а потому
 получивъ результатъ прямо противоположный
 желаемому. Наконецъ, знаніе грамматики суръ
 требованіе, такъ сказать, комплиментности,
 какъ гласитъ слѣдующее изреченіе:

avidvānsaḥ pratyabhivāde nāmno ye
 na plutim viduḥ
 kāmam teṣu tu viprosya stūṣvavāyamaham
 vadet.

„Если кѣтъждѣ, отвѣчая на привѣтствіе не употребятъ
 удлинитъ послѣдній слогъ имени, то къ нимъ
 обращаются безъ церемоній, все равно какъ къ
 женищинамъ, вернувшимся домой со словами:
 «вотъ и я»." — Дѣло вотъ въ томъ: по прави-
 ламъ, упомянутымъ въ законахъ Ману (II, 125)
 привѣтствіе между двумя мужчинами выс-
 шихъ кастъ, говорящими по санскритски,
 должно происходить слѣдующимъ образомъ.
 Первый говоритъ: „Я такой то, о господинъ!"
 Второй отвѣчаетъ: „Будь долговѣченъ, о такой то!"
 и при этомъ произноситъ послѣдній слогъ име-
 ни съ особенною продолжительною долгою. А съ
 низшими кастами, съ женищинами обходят-
 ся безъ этихъ церемоній, говоря просто: „вотъ
 и я". А посему, говоритъ Патанджали, дабы
 насъ не третировали, какъ женищину, мы
 должны изучать грамматику, ученіе о словахъ.
 Онъ отличаетъ слова ведашескія, которыя
 узнаются при записываніи священныхъ текстовъ
 и овыденныя, которыя узнаются изъ практики.
 Нужно знать правила объ употребленіи прави-
 лыхъ, хорошихъ словъ и избѣгать неправильныхъ,

10.
хороших. Удобнее преподавать хорошие, приемы
хороших исключаются сами собою. — Но слѣдуетъ
ли преподавать всѣ существующія хорошия слова
подъ-рядъ? Кѣмъ, кто въ священныхъ книгахъ суще-
ствуетъ слѣдующій рассказъ про царственного бога
Индру и мудраго бога-жреца Брихаспати, фигу-
рирующего въ брахманической мифологii въ ро-
ли духовника, наставника и придворнаго капел-
лана боговъ. Брихаспати преподавалъ разъ Индру
въ теченiе 1000 небесныхъ лѣтъ (а одинъ небесный
годъ равенъ 1000 земныхъ) всю наличную словъ,
перечисливъ ихъ подъ-рядъ и все-таки не дошелъ до
конца. Брихаспати былъ учителемъ, Индра
ученикомъ, 1000 небесныхъ лѣтъ продолжалось
ученiе и все-таки, они не кончили. А что
же говорить о теперешнихъ временахъ, когда
человѣкъ проживетъ самое большее 100 лѣтъ, да
и не можетъ всю свою жизнь посвятить одному
ученiю. Посему, дабы обучить всякимъ словамъ,
нужно приложить другой методъ, а именно указать
на общее и частное. — Какъ такъ? Посредствомъ
правилъ и исключенiй: правила для общаго, ис-
ключенiй для частнаго. Вотъ какъ слѣдуетъ
преподавать, заключаетъ Патанджали, и
тотчасъ приводитъ двѣ формулы изъ грам-

матрики Панини (см. *Uṇkācāra-Mahāvāṣya* ed. by Kielhorn. Vol. 1², стр. 5-6. *Bombay*. 1892).

Я нарочно остановился несколько дольше на этом памятнике, чтобы обратить внимание на своеобразный контраст между столь научной аргументацией и математически точно прослуженными и проведенными грамматическими правилами, а также показать до какой виртуозности и изощренности доходили индийские грамматисты. Я уже говорил, что Патаиджами различается лексический состав и формы звука священных книг Веды и современного ему живого языка, в котором различается в свою очередь хороший и плохой слог (*śavda* - *aśavda*). Сами Панини тоже тщательно отмечает в своих правилах отступления от них, допускаемые в священных текстах Веды и Брахмань, от которых его язык отличается лишь отрицательно, т. е. не созданием новых грамматических форм, а только устранением старых, вошедших из употребления. Витает в том же лексический запас значительно измывшийся в язык проникли новые слова и выражения, а многие измывшие свое значение. Очень важно

также то обстоятельство, что языкъ Панини еще
сохраняетъ исконное музыкальное удареніе словъ,
основанное на повышеніи голоса, а не на усилении
выдыханія, удареніе, унаследованное изъ пра-
языка и известное также въ древне-грече-
скихъ, который впоследствии утратилъ его и
замѣнилъ экспираторнымъ акцентомъ, су-
ществующимъ и теперь въ ново-греческомъ.
Древне-индійскій также утратилъ свое му-
зыкальное удареніе въ первые вѣка нашей эры,
такъ какъ единственный полный коммента-
рій ко всему Панини, такъ наз. Бенаресская
Кашика, относящаяся къ половинѣ VIII в. по
Р. Хр., уже не знаетъ этого ударенія, равно
какъ и всѣ средне-индійскіе діалекты, пракри-
ты, имѣющіе исключительно экспираторное
удареніе. Кроме ведическихъ особенностей, сами
Панини еще указываетъ на различіе между
языкомъ своей грамматики и современнымъ
разговорнымъ языкомъ (бхаша), изъ чего однако
нельзя еще вывести заключенія, что языкъ
его грамматики не былъ живымъ, тѣмъ
болѣе, что Панини приводитъ нѣкоторые
правила, годныя лишь для живой речи,
напр., ученіе объ акцентѣ словъ при при-
стѣствіи, перебранкѣ, слова изъ жаргона,
пастуховъ, игроковъ и т. д. Вопросъ объ

отношении между языком грамматики Панини и разговорной речью „бхаша“ подробно рассмотрены в статье Франке (Bessenberger Beiträge, 17 B.), где тщательно анализируются те семь правил, где Панини указывает на отступление в разговорной речи (бхаша); отношение их будет такое же, как между „хорошими“ и „нехорошими“ словами у Патамджам. Язык Панини заключается в себе все те формы и слова, которые и говорят и пишутся, а разговорная речь (бхаша) — помимо этих, еще те, которые только говорят, но не пишутся, ибо не одобрены грамматикой, санкционировавшей и фиксировавшей первую категорию. Авторитет непогрешимости, утвердившийся за трудом Панини, еще более закрывает и сдвигает неподвижными формы языка, который продолжал еще долго жить, превратившись в образцовый, совершенный язык — санскрит (sanskṛit = прош. страдат. причастие отъ корня кас = область, совершать, так что вполне переводится русскими „совершенный“ (т. наз. Singa perfecta), на котором писали и пишут в

Индий и даже говорят до сих пор индийские
ученные — пандиты. Распределение различных
языков между действующими лицами
индийской драмы есть несомненно очень близ-
кое, если не буквальное, отражение отношений,
существовавших в действительной жизни.
Это язык Панини, санскрит, был в употре-
блении не у одних грамматистов, об этом
свидетельствует также рассказ Катанджа-
на о том, как ученый грамматик зате-
нул этимологический спор с царскими
возникшими, и был разбит по всем пунктам
этим же ученым кучером (см. I том, стр. 488).
Вспомните кстати, что в драмах царя
беседуют со своими возникшими всегда на
чистейшем санскрите.

Итак, грамматика Панини подвела
итог и закрыла современному автору
язык образованных людей, очистив его от
вульгарных примесей, допускаемых в обы-
денном безцеремонном разговоре. Поздней-
шая литература грамматистов, лексикогра-
фов и glossаторов безусловно подчинилась
авторитету Панини и продолжала
блуждать этот язык, ставший санскритом, т.е.
совершенным. Чистейшим и излучаю-

шими по стилю образцами т. наз. классического санскрита являются поэзия и проза эпохи, которой Макс Мюллер присвоил название „индийского Ренессанса“, начавшаяся в VI-VII в. по Р. Хр. при дворе великого царя Викрама-дитти из Уджайни, покровительством которого, в числе прочих ученых и поэтов, пользовался и знаменитый Камидаса, автор трех драм (Сахунтала, Урваши, Малавика и Агниситра) и поэмы (Мегхадута, Ритусанхара, Кумарасамбхава, Рагхуваншия). Около того же времени жил и Дандин (см. мою статью о нем в „Записках Харьковского Университета“. 1898 г. 2-я книга), автор романа „Положение десяти юношей“ и трактата „Зерцало поэзии“, стяжавший себе громкую славу; за тем в течение нескольких столетий целый ряд авторов, писавших во всевозможных поэтических родах, доводивших искусство до еще большей вычурности и изысканности, доходивших до того, что один из них, Кавираджа, написал поэму „Рагхаванандавайя“, употребляя исключительно двусмысленные слова, так что поэма излагает одновременно и сюжет Махабхараты и Рамаяны.

Теперь является новый вопрос, въ какомъ
отношении находится этотъ очищенный, про-
фильтрованный, академическій языкъ къ более
древнимъ діалектамъ, съ одной стороны, къ
средне-индійскимъ пракритамъ, съ другой.
Языкъ древнѣшаго памятника Ригъ-
Веды, по ударной формулировке Ваккер-
наеля (*Altindische Grammatik*, I B., s. XVII.
Göttingen, 1896), не есть „живой народный
языкъ, но отличный отъ послѣдняго литератур-
ный языкъ (*Kunstsprache*), передававшійся изъ
поколѣній въ поколѣнія въ средѣ похвощей, сла-
вавшихъ гимны Ригъ-Веды. Наряду съ діалекта-
ми, лежавшими въ основѣ языка Ригъ-Веды,
несомнѣнно существовали уже въ ту пору
простонародные говоры, имѣвшіе главнѣй-
шіе признаки древнѣшнихъ фазисовъ средне-
индійскихъ пракритовъ. Лучшимъ доказатель-
ствомъ тому служатъ, во-первыхъ, нѣкоторые
слова съ пракритизирующей формой, проник-
шіе въ Ригъ-Веду, а во-вторыхъ, нѣкоторые
особенности пракритовъ, неизвѣстныя ни изъ
ведическаго діалекта, ни изъ классическаго
санскрита, но имѣющіяся въ другихъ индо-
европейскихъ языкахъ, напр., въ греческомъ
(Ваккернаель, I. c. s. XX). Одновременно приподнявъ
запретъ вопросъ и о территориальномъ распре-

убытки этих наречий. В общем до сих пор
остается наиболее правдоподобным мнение Тише-
ля, высказанное еще 25 лет тому назад
(*Göttinger gelehrte Anzeigen*, 1884; ср. также
von Bradke, *ZDMG*, 40 B.). „Не следует думать,
говорит Тишель, будто классический санскрит
есть прямой потомок ведантского диалекта.
По всей вероятности, классический санскрит
есть диалект страны Гирахнаварта, области
между реками Гангом и Индуем, конечно,
в более поздней стадии развития, чем язык
Веды, представляющий собою более западный
диалект, на это указывает и преоблада-
ние в нем плавного ч, в сравнении с клас-
сическим с, т. е. большая близость к иран-
ским диалектам с исключительным ро-
тацизмом. Так наз. фонетический „закон
Фортунатова“ установлен в духе индо-европей-
ского предзна, вследствие чего преобладание
ч в Риг-Ведь, равно как и чистый рота-
цизм иранских диалектов, представляют
собой отнюдь не архаическое, а диалектическое
явление“ (*J. J. A. s.* 512). Такие формы, как
встречающиеся в первой и десятой книге Риг-
Веды примечательное *rihi* (много) = греч. *πολύ*,
готск. *filu*, др. перс. *rahi*, тогда как в прочих
книгах пишется *rihi*, могут быть раз-

считавшимся, какъ замѣтнованіе изъ восточ-
ныхъ діалектовъ, откуда выдѣлился восточнѣйшій
и діалектъ, легшій въ основу классическаго
санскрита (ср. еще статью проф. Фортунатова
„Индоевропейскій главный союзникъ въ древне-
индійскомъ языкѣ“, въ „Харьковскія“ юбилей-
ныя сборники въ честь проф. О.Е. Корша).
Такимъ образомъ уже для древнѣйшей эпохи
приходится признать параллельное существо-
ваніе и развитіе двухъ діалектическихъ группъ:
съ одной стороны, простонародной, съ другой
стороны, литературно-разговорной среди
высшихъ кастъ. Діалекты Брахманъ, равно
какъ и прилегающіе къ нимъ говоры наи-
болѣе древнихъ Упанишадъ, а затѣмъ и
ритуальныхъ учебниковъ Сутръ (заимствованныхъ
древнѣйшихъ прозаическихъ текстовъ на
какомъ бы то ни было изъ индоевропей-
скихъ языковъ) — эти діалекты предѣ-
ляютъ собою наиболѣе раннюю стадию развитія
все того же языка крѣпостныхъ классовъ,
одна изъ болѣе позднихъ фазъ котораго была
около III в. до Р. Хр. закрѣплена грамматикой
Панини. Діалектические и территориаль-
ныя особенности отдѣльныхъ памятниковъ
несомнѣны, коихъ еще мало изслѣдованы. Про-
стонародные говоры, основа средне-индійскихъ

пракритовъ, не могли существенно развиваться и
получить литературную обработку при таких
мелких высших кастах, который тяготели
надъ низшими. Только съ появлениемъ буд-
дизма, вызвавшего сильное демократическое
движение, пракриты оживившись, стали
употребляться для надписей на памятни-
кахъ, воздвигавшихся царями, какъ, напр.,
знаменитые эдикты царя Ашоки, а также
для новыхъ религиозныхъ текстовъ. Въ пер-
вые вѣка рѣзкаго антагонизма и борьбы
между Брахманизмомъ и Буддизмомъ,
естественно, и отношеніе между языка-
ми, органами того и другого, могло прини-
мать нѣсколько обостренный характеръ;
тѣмъ сильнѣе могло быть стремленіе
брахмановъ сохранить санскритъ въ чистотѣ.
А когда черезъ нѣсколько вѣковъ Брахма-
низмъ путемъ искусныхъ уступокъ и компро-
миссовъ опять завоевалъ религиозное первен-
ство и вернулъ себѣ политическое могущество,
тогда и классическій санскритъ получилъ
новый блескъ и значеніе, что и наблюдается въ
эпоху тогда назыв. индійскаго Ренессанса, о
которомъ я упоминалъ выше. Даже суще-
ствовавшая раньше на пракритъ простонародная

сказочно-новелистическая литература была подвергнута переработке на санскрит, который начался доходить до таких тонкостей и ухищрений, которыми могли бы похвастаться современные символисты и декаденты. Даже когда простонародные говоры уже вступили в последнюю фазу развития так наз. ново-индийских и третьих классов пракритов, когда в Индии водворился сначала малометане, а потом европейцы, и английский язык стал обязательным для всякого образованного индуса, все же языком рач ехселленсе для него остается санскрит, при изучении которого европейский профессор и индийский падишах могут дружески протянуть друг другу руку. Все это имеет тому назад европейцы дали почин научному изучению индийской литературы и культуры, если первому печатному изданию древнейшего индийского памятника, Риг-Веды, суждено было впервые появиться на свет в Англии, в Оксфорде, под редакцией немецкого ученого Макса Мюллера — шестьдесят лет тому назад, то теперь в Индии научная деятельность туземцев и европейцев принимается все больше и больше грандиозные размеры: изданий всевозможных текстов, священных и светских, со старыми и новыми комментариями печатают.

ся и расходится въ огромныхъ количествахъ и обог-
щаютъ собою европейскія библіотеки. Притомъ
въ Индіи эти тексты составляютъ не только
предметъ объективнаго научнаго изученія, но стоятъ
въ непосредственной связи съ современною жизнью;
дети въ школѣ подъ руководствомъ брахмановъ
затверждаютъ наизусть священные тексты,
а въ англо-индійскихъ колледжахъ молодые
люди, пройдя курсъ подъ руководствомъ ангий-
скихъ и нѣмецкихъ профессоровъ, должны сда-
вать при окончательныхъ испытаніяхъ на атте-
статъ зрѣлости „Введеніе“ къ „Махабхаратѣ“
Патаанджани, а также читать романы и по-
эмы на классическомъ санскритѣ такъ же
свободно, какъ образованный европеецъ читаетъ
модный французскій романъ. Англо-индійская
культура начинаетъ теперь разблещаться пе-
редъ взорами европейцевъ, благодаря таланти-
вому перу Редьярда Киплинга, имя котораго
уже давно успѣло сдѣлаться популярнымъ. Въ
его разсказахъ попадаются нерядко черты
странныя, загадочныя для европейца, но говоря-
щія очень много всякому, кто мало-мальски
изучалъ древнюю Индію. Европеецъ возмужѣ
его разсказъ „Чудо Пураны Вираата“ („The
Miracle of Puran Bhagat“ въ „The second
jungle book“), прочтетъ его и будетъ не-

почитавать передъ фигурой героя, сэра Туранг-
 Дасса, первого министра могущественнаго
 туземнаго раджи, получившаго разностороннее
 европейское образованіе, проводившаго въ своемъ оте-
 чествѣ либеральныя реформы, Командора орде-
 на Индійской имперіи, доктора философіи, почет-
 наго члена и корреспондента многихъ ученыхъ
 обществъ, туземныхъ и европейскихъ, который
 по собственному желанію покидаетъ все и
 кончаетъ жизнь нищимъ аскетомъ на вер-
 шинахъ Гималайскихъ горъ, гдѣ окрестное
 населеніе послѣ смерти обоготворяетъ его.
 Но кто знакомъ съ религіей и культурой
 древней Индіи, для того эта фигура полу-
 чаетъ глубокое, почти символическое
 значеніе: старая, стоявшая цѣлыя тыся-
 челѣтія осоднякомъ, индійская культура
 сталкивается съ европейскою, повидимому,
 усваиваетъ ее себѣ со всеми новѣйшими
 формами и теченіями, проводитъ ихъ
 даже въ жизнь, а потомъ... продувается
 старымъ, давно забытымъ голосомъ старой стари-
 ны и фатально влечетъ къ тому, что
 всегда являлось для индуса высшимъ

идеаломъ: покинуть окружающій міръ, удалиться въ леса и горы, уединиться въ самомъ себѣ среди грандіозной природы и слиться съ божествомъ, вѣчнымъ, пантеистическимъ, безличнымъ Брахмой.

Руководства на русскомъ языкѣ для изученія санскрита:
 Проф. В. И. Кнацеръ. — Учебникъ санскритскаго языка (грамматика, хрестоматія, словарь). 1908. Лейпцигъ, 2 т.
 В. Миллеръ и Ф. Кнацеръ. — Руководство къ изученію санскрита. СПб. 1891.
 Д. Кудрявскій. — Начальная санскритская хрестоматія со словаремъ и краткими обзоромъ фонетики и морфологии санскритскаго языка. Юрьевъ. 1904. 2. 1 р. 25 к.

Фонетика.

Для санскритских текстов писанных и печатных наиболее употребительно в Индии, а в Европу принято исконно чительно, письмо называемое devanāgarī, которое в транскрипции обозначается следующими образами.

Гласные. 1) простые (краткие и долгие): а ā, і ī, у ū, э ē, ѐ (ē);

2) дифтонги (всегда долгие): е о аі аи.

<u>Согласные.</u>	Тисые.	Звукные.	Носовые.	Полуприголосные.	Свободные.	
1) Горланные (задне-нёзные)	к kh	г gh	п	Поуприголосные.	Свободные.	h
2) Палайальные (верхне-нёзные)	с ch	ж jh	п̄	у	ѝ	Звукное приращение
3) Черезгортанные (передне-нёзные)	т̣ tḥ	д̣ dḥ	н̣	э	с̣	
4) Зубные	т th	д dh	н	л	с	
5) Губные	р rh	в bh	м	р̣		

Алфавитный порядок, принятый в словарях, таков: а ā, і ī, у ū, э ē, ѐ; е

o ai am; k kh g gh n; c ch j jh
 ñ; t th d dh r; t th d dh n; r
 rh v vh m; y ç l v; ç s s h.

Кроме того употребляется 2 знака: 1) anus-
vāna, т. е., „призвукъ“ (m или n), обознача-
 ющий ослабленный носовой согласный или на-
 замшированный гласный, 2) visarga, т. е., „ко-
 нецъ“, „выдыхание“ (h) — сухой придыхательный,
 получающийся изъ первоначального s или ç
 въ исходъ словъ.

Замечания о произношении. Главные сло-
 образующіе (т. наз. сонанты) ç, ĩ, l произносу-
 ся какъ въ сербскомъ или чешскомъ; ç = рус-
 скому ч (итальянское cento, англійское church);
 j = дж (итал. gente, англ. gentleman). Церебры-
 ные отличаются отъ зубныхъ особенностью
 артикуляціи: кончикъ языка, касаясь вер-
 хнимъ твердаго нёба, закрываетъ нешного на-
 задъ. Полумясленный y = лат. j (русское і). Свистя-
 щіе ç = шь, s = шъ; h пропускное, какъ въ лат.
 и немецкомъ. Дифтонги e, o (происшедшіе изъ
 ai, am, какъ, напр., это имѣетъ сѣто во
 франц. du.) произносятся теперь, какъ монофтонги.
Удареніе. Музыкальное удареніе, унасибго-
 ванное изъ индо-европ. праязыка, обозна-
 чается графически лишь въ ведическихъ и

нѣкоторыхъ брахманическихъ текстахъ. Въ классическихъ же санскритѣ удареніе не пишется, а по природѣ своей и общепринятому произношенію есть удареніе экспираторное, перешедшее и въ средне-индійскіе діалекты (пракриты). Правила для разстановки этого ударенія весьма сходны съ правилами латинскаго ударенія, съ тою разницею, что въ санскритѣ удареніе можетъ отодвигаться и на 4-й отъ конца слогъ. Удареніе стоитъ на 2-мъ (отъ конца слова) слогѣ, если онъ долгій (—) по природѣ или по положенію; на 3-мъ, если 2-й кратокъ; на 4-мъ, если 3-й и 2-й кратки. Иначе говоря, схема удареній такова: — —, — v —, — v v —. При этомъ, во 2-мъ слогѣ сочетание y или v + согласный не дѣлаетъ долгого positione. Въ глагольныхъ формахъ удареніе стоитъ обыкновенно на V-мъ, въ сложныхъ формахъ на аффиксѣ или приставкѣ, если масный V-нй краткій: ādātat, ajīvāt (3 sing. imperf.) Въ сложныхъ словахъ (composita) каждый составной членъ сохраняетъ свое удареніе.

Относительно группировки и взаимно-